

1.

Я очень спешил. Сегодня праздновали юбилей моего деда — девяносто лет!

Родственники, которые ещё были живы, здоровы и сумели добраться до деревни Косуль, в три часа пополудни намеревались приступить к чествованию юбиляра и пиршеству в родовом доме семейства Барминых. Я рассчитывал прибыть вовремя и поэтому торопился.

Электричка из Красноярска доставила меня на станцию города Боготола вовремя. Я сошёл на знакомую с детства платформу и сразу же направился на автовокзал.

Майский день был нежарким и уже наполнялся запахами зазеленевших деревьев. Недавно прошёл дождь, и повсюду стояли лужи.

Автовокзал, унылое панельное здание с маленьким залом ожидания, но с пятью окошками билетных касс, из которых, впрочем, работало только одно, встретил неприветливо.

Очереди перед кассой не было, только рядом какая-то пожилая тётка суетилась со своими баулами. Я протянул деньги в окошко:

— Один до Косули, пожалуйста!

Пошумел кассовый аппарат, и мне просунули вместе со сдачей белую бумажку автобусного билета. Раздался шипящий звук из бокового динамика:

— Поторопитесь, отправление через пять минут.

Я накинул свою небольшую дорожную сумку на плечо и двинулся к выходу на посадку. Неожиданно навстречу мне с улицы вбежала запыхавшаяся женщина, тянувшая за руку малолетнего ребёнка. Я толком и не разглядел эту тётку, мне показалось, что она пожилая, так сильно она спешила. Подбежав к кассе, женщина крикнула:

— Один до Косули!

В ответ раздался шипящий голос:

— До Косули билетов больше нет.

Женщина всплеснула руками и припала к окошку кассы:

— Умоляю вас! Мне нужен всего один билет. До Косули. Я с ребёнком. Пять лет. Мне нужно срочно ехать.

Голос из динамика прозвучал уже металлически жёстко:

— Вам же сказали — билетов до Косули больше нет!

Только что продала последний.

Женщина в растерянности оглянулась и увидела меня. Оказывается, я остановился в дверном проёме и наблюдал за ней. Она посмотрела в мою сторону — её взгляд был полон отчаяния. Заплакал ребёнок тонким противным голосом. Я отвернулся и поспешил наружу.

Посадка на пригородные автобусы производилась с небольшого перрона, накрытого полупрозрачным пластиковым навесом. Возле дальнего, третьего столба стоял единственный автобус, уже пыхтевший дизельными выхлопами.

Точнее, это был импортный микроавтобус белого цвета, сильно уляпанный снизу рыжеватой глинистой грязью. Дверь ещё была открыта, и я быстро подбежал к ней.

Шагнув на ступеньку внутрь салона, я протянул билет мордастому водителю, равнодушно глянувшему на меня. Он взял билет, надорвал и вернул назад.

— Садись сюда, — кивнул на свободное место позади себя.

Я окинул взглядом небольшой салон автобуса — всё полностью занято пассажирами. Кое-где в проходах стояли баулы, сумки, набитые пакеты. Я сел на указанное и единственное свободное место. Рядом, возле окошка, располагался полноватый светловолосый мужик в модном джинсовом костюме с барсеткой на коленях.

Мужик пару раз глянул на меня очень пристально, а затем толкнул локтем. Я повернулся к нему.

Меня встретило расплывшееся в улыбке, упитанное и гладковыбритое лицо моего старого приятеля Кольки.

— Привет! А я тебя сразу признал, — произнёс он радостным хрипловатым баритоном.

Я же не мог похвастать, что сразу узнал в этом сорокалетнем прифранчённом мужике своего товарища по детским играм. Но это действительно был мой старый друг Николай. Я тоже обрадовался:

— Привет. Сколько лет не виделись?!

— Больше двадцати. Ты же на год постарше меня — как школу закончил, так и не виделись с тех пор.

— Точно. Как ты?

— Да всё нормально. Живу в Красноярске. Отработал сначала инженером на заводе, а сейчас у меня своя фирмочка — занимаюсь поставками компактного оборудования. Дела неплохо идут. Женат, двое детей. Вот, еду тещу навестить. Машина в ремонте — пришлось на общественном. А ты как?

— Да тоже вроде бы слава Богу. Работал поначалу в конструкторском бюро, потом увлёкся политикой, стал журналистом. Тоже семейный. Сейчас работаю главным редактором на радиостанции «Полюс» в Норильске.

— А здесь как оказался? — Николай достал из-за пазухи маленькую никелированную фляжку и протянул мне. — Давай по глоточку за встречу. Коньячок!

Я отхлебнул маленький глоток, коньяк был хорош, и вернул фляжку.

— Моему деду сегодня исполняется девяносто лет. Вот, еду на юбилей, — произнёс я.

Двери микроавтобуса начали автоматически закрываться, но в них неожиданно кто-то просунулся.

— Возьмите меня до Косули! — раздался истошный крик. — Мне очень надо!

Дверка поехала назад. Водитель вскрикнул:

— Ну куда прёшь?! Дверь поломаешь!

В салон уже втиснулась женщина с ребёнком на руках. Та самая, которую я встретил возле кассы.

Она стояла почти рядом со мной, и я смог разглядеть её. Она оказалась достаточно молодой, немного за тридцать, в теле, но при фигуре. Одета была в какой-то синий распахнутый

плащ, под которым виднелось тёмное платье. Причёска, видимо, уложенная в парикмахерской, растрепалась и походила на разорённое птичье гнездо. Она прижимала к груди ребёнка в зелёной курточке, который куксился и беззвучно лил слёзы. У самой женщины лицо было искажено гримасой растерянности и отчаяния. От неё излучалась тревога.

— Товарищ водитель, пожалуйста, мне очень нужно в Косуль. Срочно. У меня папа при смерти. Надо успеть попрощаться с ним.

Водитель встал со своего сиденья и, возмущённо взмахнув рукой, прикрикнул:

— Куда ты лезешь? Есть билет? Все места заняты!

— Нет билета. Мне сказали, что мест нет. Но мне очень надо ехать. Я с Ачинска добираюсь на перекладных. Меня еле отпустили с работы. Я должна повидаться с отцом. Пожалуйста, возьмите меня. Я поеду стоя! — женщина едва не плакала, и голос её срывался.

— Стоя не положено перевозить. Меня на первом же посту ГАИ оштрафуют. Выходи давай! — водитель надвинулся прямо на женщину, и она, попятившись, шагнула вниз, из салона на землю.

— Ну пожалуйста, товарищ водитель! Я заплачу вам. Возьмите меня. Ведь ехать всего час. Я постою с мальчиком.

— Не положено! — прорычал водитель и нажал кнопку. Дверь начала закрываться.

— Умоляю вас! — женщина зарыдала...

Дверь захлопнулась, и автобус заурчал, приготовившись тронуться с места.

— Слушай, — обернулся я к Николаю, — а когда следующий автобус?

— Часа через три. Не раньше.

Я глянул на часы. Было уже два. Я успевал к началу торжества. Вот дед обрадуется!

2.

Дед у меня был героический. Он воевал, защищал Ленинград, пережил блокаду, дошёл с боями до Праги. Затем работал инженером на знаменитых стройках Сибири: строил плотины и мосты, заводы и дома. А потом, выйдя на

пенсию, вернулся в свою родную деревню Косуль, где родился сам, где родились его отец, дед и прадед. В том доме, что когда-то поставил на берегу Чулыма мой пращур, прожило уже шесть поколений Барминых.

Оберегали наше родовое гнездо дядя Семён, жена его, тётя Клава, да сам мой дед Кондратий Фёдорович. Железного здоровья и прекрасной души человек. Я очень любил и уважал его.

Раз в год, на день рождения дедушки, наша родня съезжалась в деревню Косуль попроведовать родственника и попрасдновать. Ну конечно, приезжали только те, кто мог. Иные выбирались раз в пятилетку, но всё равно каждый год в начале мая большая пятистенная изба Кондратия Бармина наполнялась чуть ли не двумя десятками родственников.

Я предполагал, что на нынешний юбилей к деду съедутся не менее полусотни родных. Мои папа и мама приехали заранее, ещё неделю назад, а я только сегодня утром прилетел из Норильска и сразу же поспешил в Косуль.

Торжество намечалось немалое. Дед и сам не верил, что доживёт до столь преклонных годов.

Я вспоминал, как часто привозили меня на лето к деду Кондратию. Моё детство, собственно, и прошло на берегах полноводной реки Чулым в деревне Косуль. У меня были замечательные друзья и товарищи, с которыми мы часто ходили в сосновый бор за грибами и ягодами, гоняли на велосипедах по просёлочным дорогам, купались в Чулыме до посинения и до бесконечности играли то в футбол, то в лапту, то в выжигалы. Вот и Колька, сидящий сейчас рядом со мной, учил меня когда-то ловить рыбу на спиннинг.

Благодаря бабушке Нюре и дедушке Кондратию у меня было прекрасное, весёлое и счастливое детство. Дед часто рассказывал про стройки, на которых работал, и редко вспоминал про войну. Но иногда он мне рассказывал истории о своей военной молодости. И некоторые его рассказы я запомнил на всю жизнь.

3.

Женщина с ребёнком стояла рядом с автобусом и плакала навзрыд. Она вытирала слёзы руками и с надеждой глядела на водителя через окно в дверях. Но тот был непреклонен.

Автобус взревел и тронулся с места.

— Стой! Остановись! — выкрикнул я и встал с места.

Водитель сердито обернулся.

— Остановись, я сказал.

Автобус затормозил.

— Ну, чего случилось? — растерянно пробурчал шофёр.

— Я выйду, а ты заberi эту женщину. Я уступаю ей своё место. Понял? — я произнёс это твёрдо и громко.

Все в салоне примолкли, только звук работающего двигателя ритмично пульсировал, отдаваясь в моих ушах. Дверь открылась, я выглянул наружу.

— Женщина! — выкрикнул я.

Она обернулась в мою сторону.

— Женщина, идите сюда! Садитесь, поедете в Косуль!

Не веря своим ушам, недоверчиво глядя на меня, она пошла к дверям автобуса. Я выскочил из салона и проворчал:

— Да быстрее же заходите!

Подсадил её и ребёнка, и она уселась на моё место. Глянул на Кольку, тот улыбнулся в ответ и показал мне большой палец вверх.

Я махнул рукой:

— Заходи сегодня к деду!

Николай кивнул в ответ. Дверь закрылась, и автобус наконец-то поехал. Некоторое время я постоял, провожая его взглядом. И почему-то слегка защемило сердце.

Я вернулся в автовокзал, купил новый билет на рейс до Косули и вышел на улицу дожидаться следующего автобуса. Присел на лавочку под кустами нераспустившейся сирени и задумался.

4.

Я вспомнил давний рассказ моего деда.

Когда Кондратий Фёдорович воевал за оборону Ленинграда, то повстречал там своего однокурсника и старого товарища Лёшу Петряева, с которым учился в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта.

После института мой дед сразу же пошёл на фронт, а Лёша остался в Ленинграде преподавать в родном институте и учиться в аспирантуре. Во время войны они встретились

случайно, на улице. Бойцов отпускали в увольнительную, и они ездили в Ленинград с передовой — она проходила по окраине города. Лёша был очень худ — сильно голодал. Он стал просить Кондратия похлопотать, чтобы попасть на фронт, но у него были какие-то ограничения по здоровью, и взяли его только в гражданскую оборону.

Кондратий и Алексей ещё несколько раз встречались в гостях у своих однокашников и даже навестили профессора Яблонева, замечательного преподавателя теоретической механики.

Ленинград уже полностью был в блокаде, и всем приходилось очень тяжело. Кондратий часто отдавал свою солдатскую пайку то Лёше, то старенькому профессору Яблону. Однажды Алексей сообщил, что на днях его и всех сотрудников института вывезут из блокады в тыл. Но он так и не уехал...

Потом было контрнаступление, шли тяжёлые бои, линию обороны отодвинули подальше от Ленинграда, и Кондратий долго не встречался с Алексеем. А уже летом, когда город немного ожил и с питанием стало получше, Кондратий, приехав в увольнительную, навестил сначала профессора Яблонева, который не уехал в эвакуацию, пережил блокаду и остался жив. Профессор расплакался от радости, увидев Кондратия.

— А Лёша-то умер... От голода, — прошептал профессор. — Своё место в автобусе он уступил женщине с ребёнком. Она уехала. Он остался. А потом... Его не стало.

Когда дед рассказал мне эту историю, то я едва не расплакался. Я часто вспоминал про Алексея и блокадный Ленинград, и у меня наворачивались слёзы и комок подступал к горлу.

Я поглядел на часы. Половина третьего. В пять будет новый автобус. Приеду в Косуль в шесть. Опоздаю на три часа. Но дед поймёт.

Красноярск, 4 февраля 2013